

Тяжелый танк легкого жанра

Мюзикл рвется в классику —
туда ему и дорога

Известия - 1989 - 6 окт - с. 10
Валерий КИЧИН

Мюзикл всегда считался визитной карточкой американского театра. Он наиболее точно отвечает особенностям национального сознания.

Блеск постановки, виртуозность исполнителей. Звукотехника, делающая дикцию идеальной. На взгляд — масса ярких индивидуальностей. Но это была бы не Америка, если б Мону Лизу не поставили на поток. Одна Мона Лиза даст доллар, тысяча — даст тысячу.

Когда в Торонто я обратился в театр «Пэнтейджс» за пресс-информацией, мне дали нью-йоркский телефон. В Торонто уже 12 лет идет не спектакль «Призрак оперы», а одна из его копий — как в кинотеатре, только вместо пленки действие зафиксировано в актерах. И те выходят на десятки сцен мира, чтобы в точности воспроизвести бродвейский оригинал.

Не знаю, кто из наших актеров мог бы ежевечерне играть одно и то же, все лучшие годы угрохав на третьего кота с краю. Жанр пытаются внедрить — вот уже ждем московское «Метро». Обещают, что будет лучше, чем на Бродвее. Дай бог. Я люблю этот жанр, он полон нездешней энергетики. Он — оперетта на новом уровне. Заменяет Шекспира для тех, кому Шекспир скучен, хотя еще лучше, если существует не вместо Барда, а рядом. В мюзикле хорошая музыка, много танцев и он затрагивает серьезные темы. «Вестсайдская история» — Шекспир в ритмах. «Моя прекрасная леди» — Шоу в дивных мелодиях. Это не уцененные классики, но это Шоу, переведенный на язык шикарного шоу.

Новый бродвейский хит «Кабаре» я смотрел в торонтской копии — в Театре принцессы Уэльской, принадлежащем Эду Мирвишу, владельцу дорогих ресторанов и дешевого универмага «Честнейший Эд». Мюзикл Канлера и Эбба, знакомый миллионам по киноверсии Боба Фосса, поставлен Сэмом Мендесом — спектакль получил четыре премии «Тони» и тиражируется на крупнейших сценах мира.

Свою жизнь знаменитый сюжет начал в книге Кристофера Ишервуда «Берлинские истории», основанной на личном опыте автора, который жил в Германии 30-х. Наблюдал становление нацизма, сблизился с дивой из кабаре. Книга дала основу для пьесы 50-х «Я — фотоаппарат». А в 60-х на Бродвее появился мюзикл «Кабаре» в постановке Гарольда Принса, где декадентский Кит-Кат-Клуб стал метафорой подступавшей исторической трагедии. Мюзикл получил восемь премий «Тони» и воодушевил Боба Фосса на создание киношедевра, в котором блеснули Лайза Миннелли (Салли) и Джоэл Грей (Конферансье). Восемь «Оскаров» взял этот фильм 1972 года!

Сэм Мендес создал зрелище более мрачное. Конферансье в исполнении Норберта Лео Бутца не покидает сцену, трансформируясь вместе с событиями в стране и став барометром надвигающейся бури. Молодой драматический актер, игравший Шекспира в Алабаме, обнаружил блестящие возможности на музыкальной сцене, он пластичен, саркастичен, обладает идеальным «отрицательным обаянием» декадентского «унисекса», и ему удалось невероятное — превзойти Джоэла Грея. Режиссер выводит на первый план тему антисемитизма, даже чересчур прямолинейно завершая спектакль тем же Конферансье, на этот раз одетым в лагерную робу со звездой Давида и розовым треугольником гомосексуалиста на груди.

Сэм Мендес пошел дальше Боба Фосса и в создании метафорического образа кабаре — Кит-Кат-Клуб окончательно теряет черты реальной сценической площадки и словно обволакивает все сушее в жизни. Там, где должна быть оркестровая яма, горят фонарики столиков для гостей, но все номера Салли Боулс подаются не как выходы дивы к публике, а как внутренние монологи. Режиссер отказался от постановочного блеска — он делает кабаре дешевое, с порванными чулками кордебалета, с прокуренным голосом певички, с грубой сексуальностью действия.

В спектакле обнаруживается много новых для кинозрителя музыкальных номеров — они были сокращены Бобом Фоссом во имя сохранения стандартного метража. Зато ушел любовный треугольник с Клиффом, Салли и молодым аристократом. Намеки на сексуальную революцию, предваряющую появление «новой Германии», заменены пряным эротизмом цветущего декаданта.

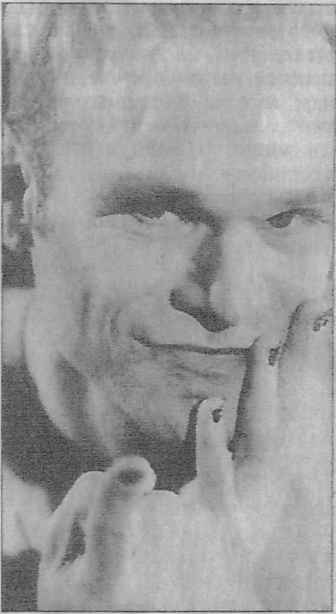
Джоэли Фишер в роли Салли Боулс и не пытается соревно-

ваться с Лайзой Миннелли. Она играет другое. Ее Салли давно на пути к катастрофе — балует себя наркотиками, пьет, ее голос хрипл и надрытен, она чувствует свою обреченность в новой реальности. Ее знаменитый шлягер «Maybe This Time I'll Be Lucky...» звучит абсолютно упаднически.

Неожиданно одной из главных линий спектакля стал дуэт домовладелицы фрейлейн Шнайдер и торговца фруктами еврея герра Шульца. Альянсы Куэрво и Хэл Робинсон здесь напоминают классическую пожилую пару из оперетты (в эти минуты мне казалось, что я в зале одного из лучших наших театров музкомедии — Свердловского или Одесского). Здесь же прячется и смысловая «инъекция», которая вводит в сознание готовую к употреблению тему антисемитизма: в драматичной песенке фрейлейн отказывается от брака с Шульцем, ибо связывать жизнь с евреем опасно. Тема обозначена. Все более глубокое — это для старушки Европы.

Джоэли Фишер не тягается с Лайзой Миннелли. У нее своя Салли Боулс

Норберт Лео Бутц явно переиграл знаменитого предшественника

Бродвейские спектакли принято заканчивать музыкальной кульминацией, где герои демонстрируют свои таланты в роскошном прощальном номере. В «Кабаре» это невозможно — судьбы героев искалечены, будущее таит гибель. Боб Фосс нашел зыбкий, туманный и по-своему эффектный финал. Сэм Мендес ограничился скромным многоточием — спектакль не завершается, а как бы иссякает, гаснет.

Своим возвращением на сцену мюзикл Канлера и Эбба сделал заявку на вечность. Газеты ликовали — главный национальный жанр наконец сравнялся с Шекспиром, его уже можно ставить как классику. В том же Театре принцессы Уэльской играют «Оливера» (на основе английского фильма-мюзикла по Диккенсу) с феерическим детским ансамблем. Тут же афиши сценической версии мультфильма «Король Лев». А рядом — совершенно органично — «Травиата», которой вы еще не видели!!! — реклама премьеры Торонтской оперной компании в постановке Дмитрия Бертмана. Именно Бертман, который в Москве сыграл «Травиату» на розовой кровати с куклами и рюшками! Здесь не прошел бы ни Покровский, ни Титель, ни сам Станиславский. Адаптация — закон американского театра, если он хочет быть коммерчески эффективным. Зрительское изумление — его художественная задача. И Дмитрий Бертман, превращающий любую оперу в эпатажное шоу, ближе к американской концепции театра, чем кто бы то ни было.

Это интересная концепция. Ее просто не нужно принимать за современную и прогрессивную. Она одна из многих. И пусть расцветают все цветы.